

1200. Москва. — 1996 — 25 сент. — 1.2
Сегодня — день рождения Д. Д. Шостаковича

25 сентября исполняется 90 лет со дня рождения Д. Д. Шостаковича. Гениальный композитор ушел от нас 21 год назад, но его музыка остается самой полной правдой о великой и трагической судьбе России XX века. Сегодня она будет звучать во множестве залов мира. В знаменитом Ла Скала Лондонский симфонический оркестр исполнит Пятую симфонию Шостаковича. За дирижерский пульт встанет музыкант с мировым именем — маэстро Ростропович. Будучи студентом Московской консерватории, Мстислав Леопольдович занимался у Шостаковича по классу инструментовки — и эти уроки переросли в большую личную дружбу. В преддверии юбилейной даты корреспондент «Вечерней Москвы» встретился с великим виолончелистом.

Тема разговора была предопределена...

— Максим Шостакович говорил мне, — рассказал Мстислав Леопольдович, — что видел отца плачущим дважды. Когда умерла мать и когда он вернулся домой после того, как подал заявление в Компартию. Он вынужден был в нее вступить, и сделал это под давлением. Доподлинно знаю, как он презирал все эти вещи. Его собственная личность создала вокруг него такую атмосферу боязни за активное высказывание в музыке, за сочинение. Почему он боялся? Потому что хорошо понимал, что внутри этой музыки заложено, ведь он сам закладывал этот опаснейший заряд.

Смею думать, что я в музыке кое-что понимаю. Его первый виолончельный концерт я выучил наизусть в течение четырех дней и знал в нем каждую ноту. Десятки раз исполнял его по всему миру, и вот однажды Шостакович спрашивает у меня: «Слава, а вот в концерте вы ничего не заметили, связанного с нашим Вождем и Учителем? Ничего насчет Сталина?». Я напряг все, что мог, и зрительную, и музыкальную память, еще раз молниеносно «пропускаю» весь концерт, но был вынужден ответить: «Такого ничего не нашел...». И тогда он сел за рояль и сыграл, указав мне на очень тщательно зака-

лики оркестр Ленинградской филармонии, который много лет был связан с Шостаковичем первыми исполнениями его симфоний под управлением замечательного дирижера Евгения Мравинского, и филармония, которая носит имя Шостаковича, и город, с которым связана его жизнь, — все это натолкнуло меня на идею сделать этот фестиваль, пригласить моих друзей, замечательных музыкантов, среди которых будут Гидон Кремер, Виктор Третьяков, Юрий Башмет, иностранных артистов, таких, как замечательная пианистка Марта Аргеридж... Наконец я осуществляю этот фестиваль.

— Мстислав Леопольдович, но ведь вы не впервые становитесь инициатором серии концертов музыки Шостаковича?

— Его фестиваль я организовал в свое время в Горьком вместе с дирижером Гусманом, но не в таком объеме, в каком он задуман сейчас. Должен сказать, что еще более огромный фестиваль в два этапа будет происходить в 1998 году в Лондоне. Вот там я буду дирижировать двенадцатью симфоническими программами Шостаковича. Программы эти выстроены хронологически. Почему? Да чтобы люди смогли слышать его музыку от его компози-

Мстислав Ростропович

избаловали, что он бы не мог творить. Его бы попросту испортили. Французская поговорка, хотя она относится больше к эстетической стороне, гласит: «Чтобы быть красивым, надо страдать». Это относится к страданиям физическим. Но я считаю ее более глубокой и целиком переносимой и на духовные явления. Если бы Бетховен не страдал от своей глухоты, не страдал от непонимания... Вся его жизнь была соткана из человеческих страданий. Если б не они, разве он мог бы быть таким гигантским, таким гениальным композитором?! У него в каждом произведении музыка высекается, как искры из кремня. Они дают такую силу его слушателям!

Дмитрий Шостакович

«ВСЁ УЗНАЮТ ЧЕРЕЗ МОЮ МУЗЫКУ»

муфлированную мелодию любимой песни Сталина «Где же ты, моя Сулико». Эта песня была настолько трансформирована, я бы даже сказал, покорена, что когда он открыл мне этот секрет, я долго приходил в себя.

Свое истинное отношение к советской системе и коммунистам он оставил в произведении «Антиформалистический раек», где использованы подлинные тексты выступлений Сталина, Жданова, Шепилова. Они снабжены беспощадными высмеивающими вождей музыкальными характеристиками. Я имел честь сделать мировую премьеру этого сочинения (в неполном, правда, варианте) в Вашингтоне, записать его на пластинку на двух языках — английском и русском.

Когда к нему обращались за подписью под официально подготовленными письмами, он их подписывал, не читая, даже не переворачивая страницу, — часто кверху ногами. И на мой недоуменный вопрос сказал: «Слава, через мою музыку узнают значительно больше о том, что я думал, чем через эти мои подписи на официальных бумагах».

Завещание Шостаковича

— Не так давно я просматривал свой архив в Вашингтоне (там у меня хранятся 65 писем Дмитрия Дмитриевича ко мне) и нашел пять рукописных листочков. Сначала даже не понял, что это за листочки. А когда понял, у меня, знаете, просто мурашки по телу пошли. Я вспомнил, что еще в шестидесятых годах рассказал Шостаковичу о своем желании организовать фестиваль его музыки. Он сначала отнекивался: «Ну что вы, Слава». А потом вдруг: «А сколько концертов вы хотите?». — «В идеале — шесть симфонических и пять камерных», — отвечаю я просто так, наобум, потому что всерьез планировать было глупо — все равно организовать что-либо подобное было трудно в то время. И все же говорю: «Дмитрий Дмитриевич, может, у вас идеи какие-то есть относительно программы фестиваля?». А он: «Ну что вы, зачем, это несерьезно». И какое-то время спустя дает написанные своей рукой программы шести симфонических и пяти камерных концертов. Когда я их теперь обнаружил, почувствовал, что это — его музыкальное завещание мне. Завещание, которое я обязан выполнить.

Начиная с середины января 1997 года по конец февраля в С.-Петербурге состоится фестиваль, целиком и полностью основанный на программах, которые мне дал Дмитрий Дмитриевич. Заслуженный коллектив респуб-

торских истоков до последних сочинений. Чтобы они смотрели на перспективу его музыкального развития. К слову сказать, англичане поняли Шостаковича раньше нас. Он в 60-е годы уже начинал быть их самым любимым композитором. В это время в Эдинбурге прошел фестиваль, целиком посвященный его творчеству. И там был Дмитрий Дмитриевич, там был я, там была Вишневская. И этот фестиваль прошел совершенно гениально.

Жизнь после смерти

— Дмитрий Дмитриевич ушел от нас 21 год назад. Прибавило ли время что-либо к пониманию этой великой трагической личности?

— Не просто добавило. Он за это время стал классиком мировой музыки. Знаете, мне 69, но и этого достаточно, чтобы понять, как гениальные люди входят в жизнь.

— Вы хотели сказать, в вечность?

— Именно в жизнь... после смерти. Это абсурдно звучит, но очень справедливо. Когда-то я играл Симфонию-концерт Прокофьева, а Рихтер дирижировал, и очень хорошо дирижировал, замечательно. Симфонию-концерт Прокофьева мало кто тогда понял. Многие искренне говорили, что это близко к какому-то маразму. И только Рихтер был влюблен в это сочинение и еще такой композитор Майзел. Он ко мне подошел после концерта, один из немногих, и говорит: «Вы знаете, это какой-то мешок сюрпризов». Страшно высокую оценку этому сочинению дал Шостакович. Он официально сообщил, что написал виолончельный концерт под влиянием гениального сочинения Прокофьева. Но первоначально большинство ничего не поняло. Только через 11 лет этот процесс начался. А сейчас играет весь мир, студенты все играют это произведение. И я вспомнил рассказ композитора Глиэра. Рейнгольд Морицевич в Колонном зале слышал первое исполнение в России скрипичного концерта Брамса. Его играл по нотам приезжий скрипач (боюсь назвать его фамилию). Глиэр сказал, что, когда концерт закончился, не было человека в зале, который бы не сказал, что это сочинение никогда больше не может быть исполнено. Потому что это настолько трудно, настолько непонятно...

Становится уже ясным, почему «Кармен» провалилась, «Тоска» после второго акта была освистана. Знаете, я живу в этом великую силу Божественного провидения. В чем оно заключается? В том, что если б люди понимали, какой гений живет вместе с ними, его бы так

Почему Шостакович не родился в США

— Вы думаете, почему такой композитор, как Шостакович, не родился в Соединенных Штатах? Да потому, что там жизнь благополучная, там нет таких страданий, которые Бог ниспослал Шостаковичу. Эти страдания воплотились в его невероятно драматической, трагической музыке, которая сейчас переворачивает сердца.

Недавно я в так называемом променад-концерте в Альберт-холле в Лондоне исполнял его Пятую симфонию. Мне предоставилась возможность сделать программу одного из знаменитых променад-концертов, на которых молодежь стоит (дешевые билеты). Зал заполнен примерно пятью тысячами людей, причем все слушали стоя с таким вниманием... Этот концерт был посвящен пятидесятилетию русской редакции Би-би-си. Меня попросили сделать программу, и я посвятил ее трем моим друзьям. Я исполнял там «Новелетты» Витольда Лютославского, «Морские интерлюдии» из оперы «Питер Граймс» Бенджамина Бриттена и Пятую симфонию Шостаковича. Оркестр замечательно играл, и по окончании в зале долго стоял вой и топот. Мне потом администратор говорил: «Знаете, чему мы больше всего рады? Тому, что балконы не обвалились». Так молодежь выражала свое одобрение. Вот вам воздействие музыки Шостаковича сегодня.

— Как по-вашему, оценен ли до конца этот гениальный человек?

— Нет, это еще впереди. Все пойдет по такому же пути, как это было с Моцартом...

— То есть его слава с годами будет расти все больше и больше?

— Знаете, то, что слава растет, это ведь вторично и не так важно. Важно то, что музыка обогащает поколения людей — и нынешнее, и следующее, и то, что придет потом.

— На весь XXI век хватит?

— И на XXII тоже. А слава, повторяю, вторична. Главное, что в трудную минуту, когда люди слушают Его музыку, они становятся лучше, добрее. Все, что нам предписано нашей религией, православием, — всепрощение, любовь к ближнему... — все эти заповеди после хорошего концерта легко осуществляются.

Беседу вела Елена ЛИТОВЧЕНКО

Фото Эдуарда ЛЕВИНА